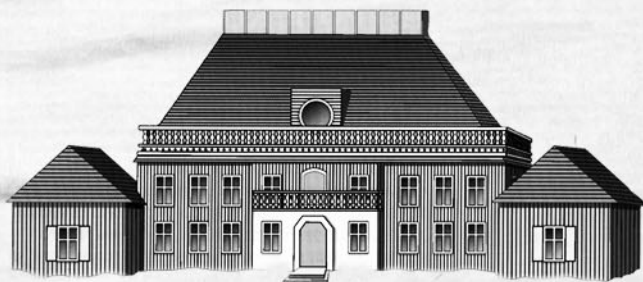

**Михаил
ДАНКОВ**

г. Петрозаводск

Петровский посад.
Худ. З. Львович

ОНЕЖСКИЕ ЧЕРТОГИ ЦАРЯ

(О ТАЙНАХ «ПОПУТНОГО» ДВОРЦА ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА)

Поклонникам истории Карелии, стремящимся разобраться в хитросплетениях Петровской эпохи, предлагается исследование, на первый взгляд, об обыденном царском доме Петра I, построенном на береговой линии Онежского озера, на земле Шуйского погоста Олонецкого уезда.

Однако не все оказывается так просто. По-прежнему хоромы, возведенные на маршруте государя, который с «любителями утех» в 1719, 1720, 1722 и 1724 гг. следовал из Санкт-Петербурга «к колодезю» для «пития» марциальной воды, представляются своеобразной фата-морганой. Действительно, вопросов больше, чем ответов. И не только из-за того, что «монаршая» усадьба на территории заводского посада (современный Петрозаводск) не сохранилась.

Во многом мутные представления связаны с дефицитом подлинных источников. До сих пор нельзя точно отметить, когда именно дворец Петра Алексеевича был выстроен, кто оказался его архитектором. Неизвестна рабочая артель, соорудившая зимний дом «Его Величества».

Представляют загадку интерьер, убранство и расположение государевых апартаментов. Никто не знает, сохранились ли строительные чертежи зимнего дворца монарха, в какую сумму обошелся проект?

Эти и другие вопросы будоражат сознание современных историков. Кстати, и другой «попутный» дворец Петра Первого, построенный в «Половинном стане», на пути «на воды», еще более покрыт плотной завесой «исторического забвения». Грустно признавать, но специалисты владеют лишь скудными и противоречивыми сведениями о царских усадьбах.

Тем не менее, используя сохранившиеся источники о доме его императорского величества у Онежского озера и вооружившись «аналоговым воображением», попытаемся воссоздать картину грандиозного «петрозаводского» дворца. Двухэтажные чертоги с обходной галереей и верхней обзорной площадкой, без сомнения, являются малооцененным и колоритным провинциальным сооружением петровского времени.

Два «Дома Царского Величества», реальность или миф?

Признаемся, в России сохранилось немного подлинных памятников, связанных с именем государя. В народной памяти большинство петровских строений, храмов, верфей, фортеций и посадов остались лишь в виде виртуальных объектов. В полной мере это относится к ныне утраченному и загадочно-му царскому дворцу, построенному в 1719–1720 гг. внутри заводского земляного вала, на территории регулярного парка с французскими «линейками» из берез, вязов и кленов. Невнятные свидетельства о «попутной» резиденции Петра Великого часто не стыкуются и усугубляют ее противоречивый ореол.

К наиболее древним источникам, отметившим царские хоромы, относится раритетная лэнд-карта «Чертеж Петровских заводов строению, а что в котором месте построено, значит под цифирным словам», созданная в начале 20-х годов XVIII столетия и хранящаяся в РГАДА. Автором эксклюзивного документа стал «сговоренный» в Западной Европе артиллерист и фейерверкер М.М. Витвер, о чем свидетельствует автограф «artillery oberster M. Wittwer». Фиксационный чертеж индустриальной слободы, изготовленный в «саженях 3 аршина», содержит многие курьезы, но главное, он дважды, под литерами «З» и «32», отмечает «Дом Царского Величества». В чем дело? Неужели действительно было возведено два дворца?

Однако нам представляется, что государева усадьба с номером «32», размещенная у мостовой переправы к верхней доменной площадке на левом берегу Лососинки, все-таки исторический фантом, связанный с небрежностью картографа. Но вдруг завораживающая неточность М. Витвера является целевой дезинформацией для введения неприятеля в заблуждение? Разве нельзя было допустить форс-мажорную ситуацию, при которой стратегический документ мог оказаться в руках шведского лазутчика?

Нас поражает и другой странный сюжет. Оказывается, царские хоромы у Онежского озера иноземец разместил за пределами оборонительной линии «фортеции», возведенной в 1712–1713 гг. очевидно при комиссаре Олонецкого верфи И.А. Тормасове. В этом смысле угроза наскока летучего отряда шведов на оружейный завод была действительно актуальна, а дворец, будто специально, притягивал возможный вражеский удар. Как бы там ни было, чертеж М.М. Витвера является пока единственным документом, указывающим в пространстве местонахождение хором царя.

Гравюра «Его императорского величества дворца»

До сегодняшнего дня дошло уникальное изображение Петровского дворца, опубликованное в 1849 г. первым архиепископом Олонецким и Петро-заводским Игнатием. И хотя местонахождение подлинника, авторство и время изготовления гравюры неизвестны, она позволяет в блеске представить петровские хоромы. Мы видим царский дом из мощных бревен, в «два света» с «лунным» или «мариинским» стеклом в одинарных прямоугольных проемах. Значит, дворец задумывался для сезонных визитов царя с домочадцами, держащих зимний путь к «колодезю» с волшебной водой.

Гравюра и чертеж фиксируют роскошное здание с центральным и задним ризалитом и фундаментом в виде вытянутого креста. Фронтальный фасад дворца, смотрящий на озеро, достигал 15 саженей, а глубина постройки имела около 8 саженей. Учитывая масштаб М. М. Витвера, габариты зимней резиденции составляли 30х17 м, что позволяет считать онежский дом царя вовсе не рядовой постройкой. Удивительно, но способ рубки и планировка дворца мало соответствовали русской строительной культуре и скорее походили на скандинавский стандарт.

В этом смысле онежский дворец самодержца, как «первоначальный домик» государя на Березовом острове (*Биркенгольм, Койвусаари. – М.Д.*) и «Летний дворец» на Адмиралтейском острове у Безымянного ерика (р. Фонтанка) в Санкт-Петербурге, мог сооружаться пленными солдатами Карла XII. Западное происхождение первых невыхских дворцов царя сегодня у специалистов не вызывает сомнений. Поразительное сходство олонечкой резиденции с изображением двухэтажного «Летнего дворца» на шведской «Карте Петербурга и его окрестностей, составленной по показаниям дезертиров и пленных» в 1708 г., лишний раз это подчеркивает. Ну а если сопоставить гравюру «Дома Царского Величества» и рисунок из собрания камер-юнкера Ф.В.Берхгольца «Летнего дворца», перестроенного по проекту Д. Трезини в 1710–1711 гг., то зеркальное подобие резиденций на Онежском озере и Неве становится еще более убедительным.

Внушительная двухэтажная царская обитель, возведенная во времена олонечкого коменданта «генерал-майора Геннинга», имела шатровую, четырехскатную без конька и козырька крышу, с основным клинообразным тесом и, очевидно, завершалась флагштоком с медным флюгером.

Деревянные стены дворца, как в столице, вероятно, были покрыты раствором охры, которая имитировала кирпичную кладку, и украшены декора-

тивными фризами, барельефами и резной скульптурой. Над входным порталом на уровне второго этажа размещалось гульбище с «точеными баясинами», чуть выше – открытая обходная галерея с резным парапетом. Макушку крыши, своего рода открытую мансарду, венчала прямоугольная обзорная площадка с балюстрадой. Увлекающийся царь и вельможи с азартом взбирались на галереи усадьбы и совершали обзорные экскурсии, дивясь зимней прелестью Онежского озера.

Вблизи дворца находились валы деревоземляной «фортеции», как две капли воды схожей с начальной крепостью «Питербурх» на Неве. Выше возвышалась новоманерная Петропавловская «церковь божа(и)я» с голландским «шпицем», Святодуховский храм и часовая башня с курантами. В сторону берега услужливые современники вырыли небольшой пруд.

Недалеко от резиденции Петра I на крутом берегу р. Лососинки стоял дом светлейшего князя А.Д. Меншикова. Считается, что хоромы сенатора и президента Военной коллегии, отмеченные М. Витвером литерой «4», были возведены на рубеже 1704–1705 гг. Тогда генерал-губернатор Ижоры планировал проинспектировать Шуйский завод, но что-то не заладилось. Дом кавалера ордена св. Андрея Первозванного простоял без дела около пятнадцати лет, и по назначению «игралище всякого счастья» его использовали лишь раз, летом 1719 года.

Пропавшая «Опись» апартаментов царя

Из куцега объема письменных источников, повествующих об онежских хоромах, помимо «Чертежа» и сведений «Походных журналов» монарха со скромными свидетельствами о проживании Петра I в особняке в 1720, 1722, 1724 гг., выделяется любопытная «Опись» от 17 августа 1730 г. К сожалению, местонахождение архивного списка сегодня неизвестно. Текст документа в 1858 г. опубликовал известный олонецкий краевед И.К. Чудинов.

В донесении, предоставленном в Берг-коллегию, отмечалось убранство «зал» и «камор» императорского дворца, расположенного в «городском саду выше пруда». Хоромы имели «две залы... с двумя каморами», царскую спальню с «токарной» и прихожей, «спальню императрицы с уборною». Во дворце была устроена отдельная «крестовая» комната, своеобразная молельня, где размещался киот. А также мыльная с тремя уборными, хлебная и скатертная, кухня со шкафами для серебряной и оловя-

ной посуды и подлючная – специальная «камора» для хранения продуктов питания.

«Опись» отмечает два винных погреба, непонятно почему размещенных в верхнем этаже. Здесь обер-кухенмейстер И. Фельтен наверняка хранил медовый и репный квас, варившийся в Шелтозерской волости, любимые царем венгерские вина и уж точно легендарную анисовку, с которой Петр Алексеевич в 1702 г. преодолел Осудареву дорогу к Балтике.

Еда и питье монарха

На обеденном столе царя в онежских хоромах, конечно же, не могло не стоять свежее пиво, изготовленное в пивоварне заводского посада. К первому приезду в январе Петра в слободу «услужник» В.И. Генин выписал из Санкт-Петербурга пивовара «для варения пива, полпива» и обязал привезти достаточное количество солода. Благодаря датскому заводчику Бутенанту фон Розенбушу, основавшему в Заонежье горнозаводские мануфактуры, в местный алкоголь стали добавлять заморский изюм и пряности.

Его Величество обожал и «горящие» напитки. Даже епископ Солсберийский Дж. Бернет вспоминал: царь действительно «пьет много водки». Лейб-медик Р. Арескин с опаской утверждал, в Петре живет «целый легион демонов сладострастия». Однако запретить пользоваться анисовую водку и вино «Эрмитаж» был не в состоянии. Однажды за спиной царя голштинiec Берхгольц спросил, почему монарх не чурается «хлебного вина», зерновой водки грубой выделки? Ведь гости берут дурно пахнущее вино в рот, а потом выплевывают. И услышал ответ: «Из любви к гвардии».

В «попутный» дворец провизия поставлялась жителями Шуйского погоста, Олонца, старообрядцами Выговской обители и монахами Александро-Свирского монастыря. На кухню везли кур, свежие яйца, десятки пудов топленого масла, ведра творога и сметаны. Однажды зимой 1724 г. олонецкий бургомистр Тимофей Балашев реквизирует 10 лучших телят, 10 молодых барашков, которые кормились «под матерями и поились молоком». Крестьяне с любовью подносили живых тетеревов, зайцев, овец, озерную рыбу и брусничный лист.

В хоромах престарелый, но заботливый «мунд-кох Фельтен» готовил обожаемые царем кислые щи, студни, кашу, жаренное с огурцами или солеными лимонами, а в придачу нарезал ветчину и лимбургский сыр.

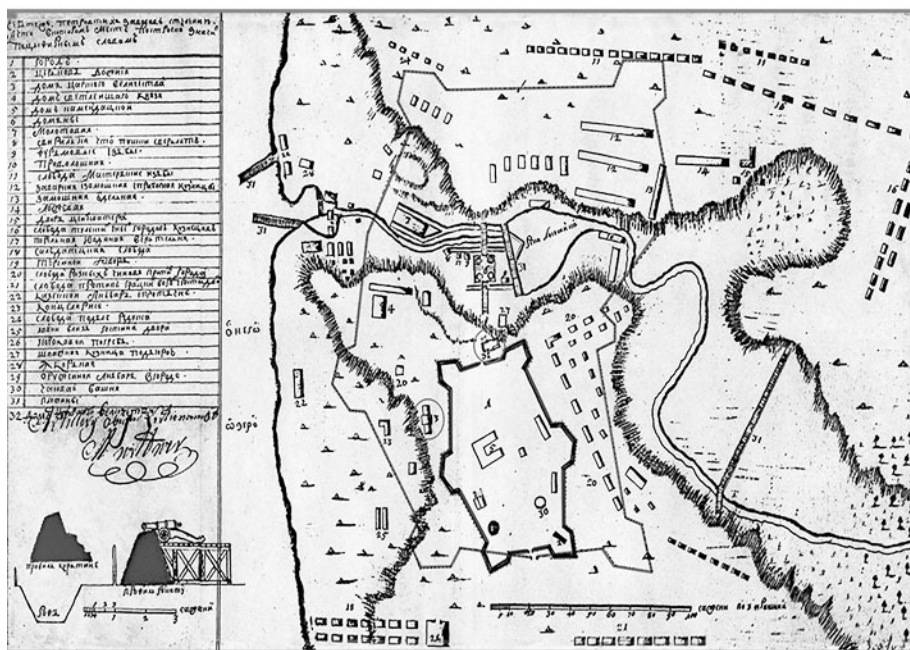
Онежские апартаменты монарха

«Зеркальная» планировка усадьбы отвечала рациональным вкусам хозяина, но также свидетельствовала о стремлении к комфорту. Жилые помещения располагались по анфиладной оси, а служебные выходили в коридор, что избавляло прислугу от необходимости беспокоить жильцов. В круговом коридоре находились топочные, с помощью которых денщики благополучно отапливали «каморы» дворца.

Учитывая ненависть Петра к помпезности, можно допустить скромную высоту онежских покоев. Известны случаи, когда в высоких залах государь растягивал над головой искусственный потолок из саксонского полотна. Первый этаж обычно занимал сам государь, второй, как в «Летнем дворце», отдавался супруге Екатерине Алексеевне.

Утраченная «Опись» от 17 августа 1730 г. детализирует обстановку «спальни императрицы с уборною», в которой сохранилась «ореховая кровать государыни» с бархатом, широким позументом и множеством зеркал. О равнодушном отношении царской четы к кроватям свидетельствуют недавно обнаруженные корреспонденции, отправленные Петром I в Лондон Ф.М.Апраксину, в которых царь в марте 1717 г. настаивает на приобретении четырех кроватей для государыни. Возможно, одна из них оказалась в петрозаводском Доме его величества и на ней в ночь с 15 на 16 марта 1724 г. было принято судьбоносное решение.

Дело в том, что перманентные споры, связанные с подозрением в супружеской неверности

«Чертеж Петровских заводов строению, а что в котором месте построено, значит под цифирным словом». РГАДА.
Автор М.М. Витвер. 1720 г.

«Петровская слобода». Художник З. Львович. 1940 г.

«Катеринушки», не смогли перечеркнуть ее заслуги перед Отечеством. И очень может быть, именно на ореховой кровати онежского будуара самодержец окончательно утвердился в необходимости стремительной коронации супруги. Покинув усадьбу, она всего через месяц, 7 мая 1724 г., была коронована в Успенском соборе Московского Кремля.

Царь «взвел императрицу на трон» и, как сообщает Ф.-В. фон Берхгольц, возложил на нее корону, за что государыня царица даже захотела «поцеловать его ноги». Любопытно, что Екатерина Алексеевна оказалась второй женщиной в истории Руси, после Марии Мнишек, которая получила этот титул.

Шпалеры и мебель «попутного» дворца

Сегодня с трудом можно вообразить интерьер «попутного» дворца, обращенного «лицом» к Онежскому озеру. Но скорее всего, залы в простенках были украшены зеркалами с подсвечниками и десюдепортами, которые множили объем и создавали иллюзию дополнительного пространства.

Между тем часть покоев, без сомнения, облицовывалась изразцовыми плитками и деревянными панелями. В онежской резиденции, как и в «Летнем дворце», картины, приобретенные в Европе, могли крепиться «позолоченными гвоздиками» на «обоях море (муар. – М. Д.) лазоревого галанского шелковых».

Стены государевых хором главным образом обивались холстом с декоративными росписями или односторонними коврами с орнаментальными композициями. Но кто мог изготовить шпалеры для царского дома у Онега? Известно, что первые холсты в имперской столице появились незадолго до строительства нашего дворца. Это была продукция российской шпалерной мастерской, организованной в 1716 г. Королевской гобеленовой мануфактурой Франции.

Хочется высказать предположение, что к шпалерам дворца у Онежского озера мог приложить руку иеродиакон Иринарх, чей талант в 1720 г. заприметила царица Прасковья Федоровна, пригласившая мастера из Александров-Свирского монастыря для выполнения «шпалерной работы... для ея величества» в хоромы у «колодезя» в Марциальных Водах.

Дворцовая мебель в первой четверти XVIII столетия обычно завозилась из Голландии, Германии или Англии. Однако ее дефицит в «попутных»

дворцах часто приводил к перемещению шкафов, диванов, стульев и кресел из одной усадьбы в другую. При драпировке мягкой мебели использовались однотонные полосатые ткани, зеленый или красный сафьян, а стулья декорировались позолоченной резьбой, напоминающей фантастические цветы, морские раковины или петушиные гребешки. Хотя известно, что царь Петр уважал простые плетеные стулья с шелковыми подушками.

И все-таки часть мебели онежского дворца, скорее всего, изготавливалась местными, а может, приезжими мастерами из березы, сосны или дуба. Петровская мебель не имела изысков, она вызывала чувство надежности, была красивой, недорогой и прочной. Это не означает, что в олонецких апартаментах не могло оказаться ореховых шкафов, столов и кресел «аглинской» работы, восточных ширм и популярных немецких столиков черного цвета «о трех ножках».

«Заботы и утехы» в царских хоромы

Затерянная «Опись» 1730 г. содержит пусть мимолетное, но существенное описание механической мастерской его величества, которая размещалась в личных покоях на первом этаже особняка. Напротив кровати «государя с балдахинном рудо-желтого цвета без занавесей» был смонтирован «токарный стол с железными тисками». По сообщению польского дипломата С. Хоментовского, посетившего в 1720 г. петербургский «Летний дворец», в мастерской монарха всегда находились «токарные и слесарные инструменты, такие как воротки, большие и малые тиски», здесь можно было «найти любые инструменты для превосходнейшего ремесла».

Токарное занятие всецело увлекало Петра Великого. Монотонный шум рабочего колеса его успокаивал. По ночам царь, никого не беспокоя, подходил к станку и отводил душу, оттачивая про себя словесные формулировки утренних повелений и наказов. Зачастую спальня-мастерская превращалась в рабочий кабинет, где обсуждались государственные проекты. Иногда именно здесь Петр на лету перекусывал, принимал посланников и просителей.

Как сообщают походные «юрналы», в онежской усадьбе царь обожал «до ночи... слушать часы», с родными играть в «билиарт» и «бирюльки» – старинную русскую настольную игру. Дворцовый собутыльник, поп И. Х. Битке, один из инициаторов «Всеппянейшего собора», часто до ночи выполнял

забавную роль шахматного визави царя. Занятно, но ушлый «Иван Хрисанфиев (И.Х.Битке. – М.Д.)... священник от Петра и Павла, что у хором Великого государя», в 1702 г. вместе с царем преодолел от Белого моря легендарную «Осудареву дорогу».

В онежских апартаментах Петр часто возбуждался от азартной игры французских королей «трукт-тафель» (druktafel), смысл которой заключался в успешном броске каменного шара в выдолбленный желоб на столе. Отдыхая, император не чурался «партесного» музицирования и с удовольствием пел в многоголосном хоре со «своими певчими концерты». Однажды в заводской слободе его поразил талантливый «гудошник и старец» Филакт Исаев, бывший солдат Владимирского полка, который так впечатляюще «играл на гудке и плакал», что получил «рубль с полтиной за... слезы».

Петр любил совершать долгие пешие прогулки вдоль озера и по аллеям березовой рощи. Это значит, для поездок на север специально продумывался царский гардероб, в котором прилегающим камзолам и тонким чулкам не находилось места. Государь наверняка надевал «епанички суконные теплые на волчьем меху», лисьи шапки, «свареги» и пимы, как-то удивившие Берхгольца тем, что они «из оленьей шкуры, шерстью вверх» как на ноге, «так и на подошвах».

Порой хоромы самодержца преображались в госпитальные палаты, где Петр с усердием «принимал проносное». В этом контексте любопытно свидетельство из «юнала» 1720 г. с сообщением, что в «4-й день (марта. – М.Д.) Его величество гулял по всем каморам в доме и принимал лекарство».

План Петрозаводска
при Петре I
Чертеж Т. Баландина. 1810 г.

1 «План бывшему расположению
Дворца и чугуно-литейного завода
Государя императора Петра Великого
в городке Петрозаводске. Оз. Онего».
Составлен на основе данных
Т. В. Баландина. 1826 г.

2 Гравюра «Дворец Петра I
в Петровской слободе». Неизв. худ. 1849 г. (?)

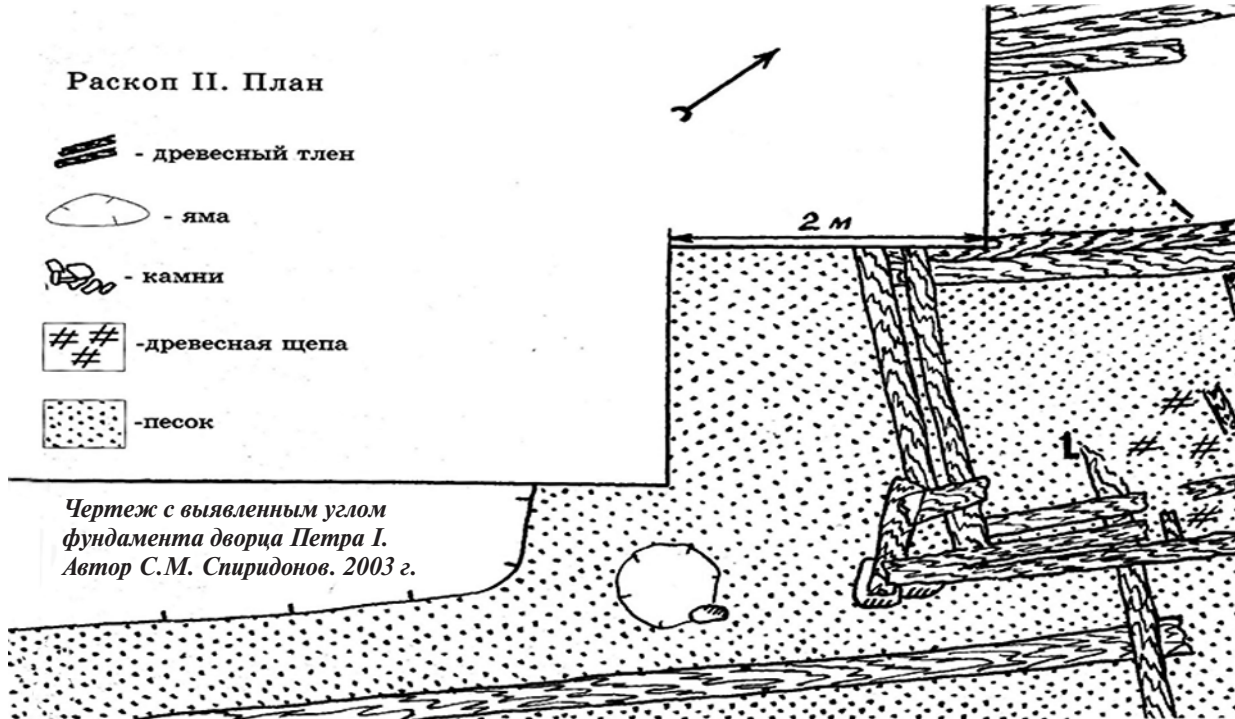
3 Гравюра «В.И. Геннин — начальник Олонецких Петровских заводов
в 1713–1721 гг.». Автор В. Гейман по рисунку В. Фролова. 1826 г.

4 Рисунок «Летний дворец Петра I» из коллекции
голштинского дипломата камер-юнкера Ф.В. Берхгольца. 1710 г.

Раскоп II. План

*Чертеж с выявленным углом
фундамента дворца Петра I.
Автор С.М. Спиридонов. 2003 г.*

Археологические открытия

Учитывая скромность существующих исторических источников, нам кажется, что лишь планомерные археологические исследования способны систематизировать невнятные представления о царском доме на берегу Онежского озера. Начало было положено в 1996–2000 гг., когда под руководством А. М. Спиридонова на площади 600 кв. м были проведены первые охраняемые работы в историческом ядре Петровзводска. Ныне материалы раскопок, которые соотносились с «Чертежом...» М. Витвера, планом Т.Баландина, графическим изображением резиденции и другими известными документами, находятся в фондах Национального музея Республики Карелия. В ходе поиска в 1996 и 1998 гг. специалисты натолкнулись и изучили возможный угол фундамента царского дворца.

На глубине 30 см от земной поверхности археологи выявили крепкое 6-метровое бревно и под прямым углом следы деревянных конструкций в виде истлевших бревен и плах. находка позволила заявить, что остатки бревен и настила из досок в плане напоминают угол срубной постройки «Дома Царского Величества». Однако исследователей сразу же поразила малозначительность предметного материала. находки оказались совсем не царскими. Среди них медная копейка Петра I, датируемая 1711 г., «окончины слюдяные», фрагменты фарфоровой и винной посуды, керамика, железный наконечник кайла и кованые гвозди. Правда, недалеко от фундамента «дворца» археологи зафиксировали остатки непонятного, но очень любопыт-

ного гидротехнического устройства. На глубине 25–30 см на фоне подстилавшего желтого песка был отмечен 6-метровый контур траншеи шириной до 70 см, углубленной в материк на 40 см. На ее дне по центру залегала твердая «полоса древесного тлена» толщиной 2 см и шириной до 30 см.

И хотя в заполнении кроме обломка чубука голландской белоглиняной курительной трубки и фрагмента чернолощеной керамики, изготовленной московскими гончарами, ничего не было обнаружено, археологи сразу поняли, что перед ними остатки деревянной трубы для транспортировки воды от Онежского озера. В петровское время вододействующие механизмы с подпорными запрудами и насосами в Олонецком уезде не являлись редкостью. Однако походил ли онежский водовод на водяную машину, отмеченную берлинским мастером Г. П. Бушем на «Плане крепости, города и местоположения С.-Петербург», сказать уже невозможно.

Как бы там ни было, обнаруженные остатки петровской постройки, к сожалению, с трудом свидетельствуют о грандиозности усадьбы. В этом смысле хотелось бы изучить всю территорию, на которой находился Петровский дворец. Что касается скромности находок у монаршей обители, то она закономерна и лишней раз подтверждает разовость эксплуатации онежских хором. И, конечно, маловыразительность материала свидетельствует о ретивости «главного командира» Олонецких заводов А. С. Ярцова, которую чиновник проявил в конце XVIII в. при сносе царского дворца.

Как «умирал» особняк Петра Великого?

Что же произошло с хоромами после смерти монарха? Документы Национального архива Республики Карелия указывают, что с 1727 по 1732 г. строение на онежском берегу вообще не ремонтировалось, а «надсмотрщик» Петровского завода Е. Дейхман с хитрецей утверждал, что «за гниlostию» царскую усадьбу «починить... невозможно», с оговоркой, «разве оный дворец вновь перестроить и с покоями».

Тем не менее в 1732 г. по указу правительствующего Сената хоромы требовалось исправить и в будущем «починкою» содержать. «Доношение» в Берг-коллегию от Канцелярии Олонецких Петровских заводов зафиксировало сумму на починку дворцов, равную «денег 231 руб. 64 1/8 коп». Очередной указ Сената от «ноября 15-го дня... 742 г.» гласил: «Тот дворец до будущего впредь... содержать так, как оный поныне имеется». Однако грозные реляции из Санкт-Петербурга разрешить вопрос без серьезной финансовой подпитки были не в состоянии.

Во время царствования императрицы Елизаветы Петровны предпринимается очередная попытка сохранить царский дом у Онего. Реляция, отправленная в Берг-коллегию в 1745 г., сообщает «за тою гниlostию и весьма ветхостию» дворец императорского величества решительно требует перестройки, иначе он, не имея «жительства», может «принять наибольшую гниlostь». И вновь чиновничье равнодушие победить не удалось. Финальная попытка сохранить возведенную «в давних годах» резиденцию относится к зиме 1756 г. В Петербурге вышел новый указ – ввиду того, что от «великих дождей и сырости» потолки особняка

упали, а «крышка... развалилась», необходимо годные «к живью покои» вновь починить, чтобы «за непокрышкою» они в «худобу» не превратились.

Вскоре усадьбу Петра Великого ожидала незавидная судьба. Нерасторопность власти привела к разгрому царских хором, их, образно говоря, пустили под топор. Сохранился ордер от 23 марта 1772 г. обер-прокурора Сената М.Ф. Соймонова о постройке из бревен «дворцового строения» заводской лаборатории. Для этого государев дворец усилиями настойчивого А. С. Ярцова по бревнышкам раскатали и в «назначенном месте» устроили с «добавлением новых бревен» промышленную «лабораторию». Через несколько лет, летом 1785 г., путешественник и академик Н.Я. Озерецковский, сообщая о березовой роще, «насажденной Петром I при дворце», отметил, что от дома «ныне видно только основание». А через два десятилетия петрозаводский любитель старины, шихмейстер Т.В. Баландин, составляя по «сказаниям старцев» описание и «натурные обмеры» объектов заводского посада, с горечью отметил лишь едва видимые руины «бывшего дворца, пруда, палисада и существующего в остатке березового сада».

Так бестолково и бесславно роскошный «Дом Его Величества» у Онежского озера, уникальный памятник Петровской эпохи Русского Севера навсегда ушел в небытие.

Иллюстрации предоставлены автором

Михаил Юрьевич ДАНКОВ

родился в 1954 г. в Архангельске.

Окончил Петрозаводский государственный университет.

Научный сотрудник Национального музея Республики Карелия.

Автор более 200 научных публикаций

по истории и культуре Русского Севера.

Работа поддерживалась Институтом «Открытое общество»,

Шведским институтом (Стокгольм),

Национальным музеем Мальты (Ла-Валетта),

Восточноевропейским архивом при университете г. Бремена (ФРГ).

Научный руководитель

исследовательского проекта «Осударева дорога»,

действительный член Русского Географического общества,

член Союза дизайнеров России,

заслуженный работник культуры Республики Карелия.

